

БОРИС ГОРБАТОВ НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ

1941—1942 гг.

Предисловие Н. Н. Кружкова

Борис Горбатов любил и знал военное дело. Несомненно, если бы он не стал журналистом и писателем, то сделался бы недюжинным командиром воинского соединения. Его не наигранное, а естественное спокойствие во время опасности, его умение всегда трезво оценивать постоянно меняющуюся обстановку на фронте, его знание солдатского быта и солдатской души, способность втолковывать самое сложное под видом простого составляли сумму таких качеств, какие нужны командиру.

Он искренне радовался, когда получил первый «кубик» на петлицу (он ушел в запас в должности помощника начальника штаба полка по разведке). Однако он не являлся показательным «строевичком», чья выправка восхищала бы кадровых, — он был несколько мешковат, слегка неуклюж, но всегда сохранялось в нем то истинно военное, что роднило его с такими людьми, спокойно трудившимися под огнем, как толстовский капитан Тушин.

Горбатов был журналист, писатель, обладавший пером острым, умным и изящным; его горячее слово жгло сердце и пленяло читателей искренностью и внутренней силой. На Южном фронте мы вместе служили в редакции газеты «Во славу Родины».

Грозный 1941 год неизгладимо остался в памяти бесконечными передвижениями на восток, пылью отступлений, свирепыми бомбежками и той тревогой, которая переполняла душу каждого участника войны — до каких пор? когда же остановимся?

Описав сложный зигзаг — Винница, Первомайск, Одесса, Кривой Рог, Николаев, Берислав-Каховка, Запорожье, Донбасс, — мы остановились, наконец, где-то на задворках Дебальцева. Началась осень, а затем свирепая, лютая зима. Фронт словно ножом перерезал Донбасс, где прошла юность Бориса, где он сформировался как человек, как коммунист, как писатель. Встреча с родным краем была печальна. Мы, товарищи Горбатова, знавшие его много лет до войны, видели, что ему тяжело, что разорение родных мест ранит его душу, но при всем этом не переставали восхищаться его спокойствием, выдержкой, оптимистической уверенностью в будущем, которая никогда не покидала его.

На Южном фронте родились его, ставшие знаменитыми, «Письма товарищу», которые зачитывались до дыр, вселяли в бойцов ту веру в победу, без которой воевать невозможно. В газете почти из номера в номер печатались его корреспонденции, очерки, зарисовки — все, написанное Горбатовым, носило в себе черты искренней взволнованности, привлекало внимание, заставляло размышлять, думать. Он не засиживался долго в редакции, его родным домом был фронт, солдатская землянка, передний край. «Отписывался» он быстро, оперативно и, отписавшись, снова ехал туда, откуда только что приехал. Эта оперативность, скорость не влияли на качество его корреспонденций — от них пахло пороховым дымом, но они всегда оставались произведениями литературы. Чувство писательской, журналистской ответственности никогда не покидало его.

Весной 1942 г. мы расстались. Меня перебросили на Северо-Западный фронт, Борис Горбатов продолжал работать на Южном. Снова подошла страдная пора —

немцы развернули огромную операцию, начатую вторжением на Северный Кавказ, выходом к Волге, и завершившуюся полным разгромом фашистов в гигантской битве на берегах великой русской реки.

С Борисом Горбатовым мы встретились позже, уже в 1943 г., в Москве.

Ему были тесны рамки фронтовой газеты. Он рассказывал о своих столкновениях с работниками Политуправления фронта, об обидной опеке, учиненной над ним, над его литературными работами, и радовался тому, что, наконец, вырвался «на оперативный простор» — стал корреспондентом «Правды» и бывает всюду, где происходят важнейшие события войны. Перо Горбатова служило делу победы на всех фронтах — от Балтики до Черного моря.

«ВСПОМНИМ, КАК НА ЗАПАД ШЛИ ПО УКРАИНЕ»

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ОЧЕРК

Публикация М. М. Ситковецкой

Очерк «Вспомним, как на запад шли по Украине» точно датирован автором в первых же строчках: 17 декабря 1943 г. В эти дни Горбатов находился в родном Донбассе, освобожденном от оккупантов. Наши войска с трудными боями упорно двигались по Украине дальше на запад. Были освобождены Кировоград, Черкассы, Кременчуг. Сводки Совинформбюро, сообщавшие каждый день об освобождении населенных пунктов Украины, естественно вызывали в памяти события первых месяцев войны, когда наши войска отходили по Украине на восток.

В редакции «Во славу Родины» вместе с Горбатовым работал поэт И. Л. Френкель. В конце ноября 1941 г. он написал стихотворение «Давай закурим», полное глубокой веры в будущую победу. Горбатов был одним из первых, кто читал эти стихи, легшие в основу популярной песни. Одна строка из этого стихотворения — «Вспомним, как на запад шли по Украине...» — и дала название очерку.

Публикуемый текст сохранился в архиве Горбатова (ЦГАЛИ, ф. 2203, оп. 1, ед. хр. 124) в виде трех листов полустертой машинописи. Судя по содержанию, эти листы представляют собой только начало воспоминаний военного корреспондента. К сожалению, продолжение или окончание этого интересного документа не найдено. В газете «Литература и искусство», куда Горбатов вначале намеревался послать очерк, он не был опубликован. Можно предположить, что Горбатов не только не послал очерк в газету, но и не закончил его, так как активная корреспондентская и творческая работа не позволила ему в эти напряженные дни войны уделить внимание мемуарной теме.

Сегодня еще только 17 декабря, и до Нового года еще так далеко, а я почему-то уже задумался о нем — о 1944.

Едет в Москву Миша Телепин — корреспондент Совинформбюро, и хочется написать. Может успею.

Конечно, новогодний номер газеты «Литература и искусство» будет наполнен материалами важными и нужными. Ведь сколько хороших перспектив открывает 44 год для людей пера, для мастеров сцены, кисти... А тут журналист какой-то с какими-то воспоминаниями... О других бы писал, а он о себе.

А, ей-богу, не хочется сейчас писать о других. Можно о себе?

О журналисте сказать, хотя бы и о бывшем. Рассказать о себе и о друзьях. Напомнить им о себе. Что жив, что еще скрипишь.

Можно?

Наступил 1940 год. Тогда я служил в стрелковом полку в Финляндии. За озером Куолема-ярви гремели пушки. Мой полк стоял на отдыхе в перерыве между боями. Выпив по маленькой, поздравив товарищей с Новым

Б. Л. ГОРБАТОВ

Фотография. 1942

Литературный музей, Москва

годом, мы с капитаном Владимировым — теперь он, того и гляди, может уж генерал — вышли к озеру. Ослепительно сверкал освещенный лучами луны снег. На небе страшным пауком висела черная туча. Вспышки выстрелов бороздили небо. А мы говорили о Ленинграде, о красивом великом городе севера России, о том, что скоро будет новая большая война, о сыне, которому только год и которому, авось, не придется никогда повоевать. Как недалеко мы были тогда от истины: прошло только около полутора лет, и эта большая война началась.

Вооруженный авторучкой, я в роли военного корреспондента оказался у Днепра. Части Красной Армии уходили на восток, жестоко отбиваясь, задерживаясь на время, но отходили.

Между Каховкой и Белозеркой поля были белы от десятков тысяч гусей. Это двуногое богатство, гогоча, бродило по степи, покрывая землю и дороги белым пухом. На бахчах лежали тысячи арбузов, на пастбищах тесно было рогатому скоту, в балках стояли сотни ульев, под тяжестью колоса к земле клонился высокий хлебный злак — все кругом дышало изобильем... и тревогой. Что с нами будет завтра? И сколько пар глаз смотрели на тебя с вопросом, скрытым в их глубин. С вопросом и укором. Что было отвечать?

Бойцы будущей 14 гвардейской ровнеь с землей завалили противотанковые рвы немецкими и румынскими трупами, а враг все лез. И невольно выползал откуда-то вопрос: ну когда же остановимся, где же этот рубеж, за который враг не пройдет? И как бы ни отмахивался от этих мыслей — они возникали вновь.

Ведомая мастерскими руками прекрасного шофера-красноармейца Лешука — где-то он теперь, жив ли? — редакционная «эмка» пробиралась по глубочайшей донбасской грязи, оставляя за собой приутюженную брюхом машины полосу.

Фронтowej газете нужен был материал.

На улицах Сталино вели арьергардные бои бойцы шахтерской дивизии Провалова, ныне генерала, а тогда еще полковника. У станции Амвросиевка, где потом решалась судьба Донбасса, дрались танкисты Колосова. Мы ехали с Шурой Шаровым, прекрасным товарищем и хорошим журналистом, И мы писали, писали о смелых и умных бойцах и командирах, о беззаветных героях, звали мстить за поруганные поля, за гибнущий достаток.

«Эмка» застревала в непроходимой грязи. Тогда в нее впрягали пару волов, и редакционный «эм-1» несся со скоростью трех километров в час на двигателях системы «му-2».

Много лет назад я работал в школе Боково-Антрацита. Сейчас мы проезжали мимо нее. Здание стояло пустое, безжизненное, ослепленное. Горела шахта 14-15, часто рвались толстые шашки, отлетали куски рельс, надвигалась война. С котомками на плечах уходили на северо-восток угрюмые люди. Они уходили от войны.

Над дорогами носились немецкие стервятники. Сколько раз десятками минут приходилось вылеживать в грязи у обочины, спасаясь от пулеметов «мессершмитта». Шинель корреспондента не раз была в грязи от полы до воротника. А по дорогам всё шли и ехали повозки и люди. На руках тащили грудных ребят. И когда в небе возникал противный, чужой, немецкий звук — везу...у...у, везу...у...у, — и стар и млад бежали в сторону от дорог.

Тогда, надо сказать правду, как-то неловко было носить военную форму.

Но все медленнее был темп отхода. Вот после многодневных боев у Зуевской ГЭС прошли через Чистяково казаки генерала Кириченко — и это был уже конец отходу. Еще догорала чистяковская нефтебаза, но

ИЗ ФРОНТОВОЙ ЖИЗНИ
Б. ГОРБАТОВ

О жизни и смерти

Издательство «Правда»
1944

«О ЖИЗНИ И СМЕРТИ»

Очерк Б. Л. Горбатова. Одно из изданий военных лет. М., изд-во «Правда», 1944

Обложка

это было уже последнее зарево в том году. У Красного Луча фронт встал. Полк капитана Кипиани, малочисленный, но сохранивший все пулеметы и орудия, принял очередной удар врага, подался еще на 2 километра назад и остановился. Здесь он залег в землю и восемь месяцев удерживал свой участок обороны.

Только совсем у моря продолжал лезть к Ростову Клейст.

Да всё еще шли бои под Москвой!

И, собираясь в редакции «Во славу Родины», газетчики Борис Горбатов, Сергей Михалков, Леопольд Железнов, наш всеми уважаемый Александр Петрович Мацкин и все остальные москвичи и не москвичи с равной тревогой вслушивались в сводки Информбюро и думали — а что там, на Западном? И все жили одной мыслью: вот-вот Москва развернет могучие плечи, остановит зарвавшуюся сволочь и возьмет ее за горло. Мы не дождались. Наступление у нас на Южном началось раньше, чем под Москвой. 28 ноября части генерала Харитонов и казаки генерала Кириченко вошли в Ростов. Вслед за ними туда же покатились наша «эмка». Две корреспондентских машины ехали в город, но въехала туда только одна: другая подорвалась на mine. При исполнении служебных обязанностей погиб газетчик капитан Омельченко. Как часто тогда приходилось петь: «Погиб журналист в многодневном бою от Буга в пути к Приднепровью...»¹ И авторы этой песни — журналисты Лапин и Хацревин — погибли незадолго перед тем.

Ростов снова стал нашим, и редакционный автомобиль двинулся на запад к Миусу, ставшему потом «Миусфронтом»...

¹ Из песни «Журналистская задушевная». Полный текст песни и справка о том, как она была сложена, напечатаны в кн.: «В редакцию не вернулся...». М., Изд-во политической литературы, 1964, стр. 51—52.

ПИСЬМО К А. Я. БОЕВУ¹

Публикация В. Ф. Суворова

〈Сентябрь 1942 г.〉

Тов. бригадный комиссар!

Хочу обратиться к вам за советом и помощью.

1. Наша редакция расформирована. Газета «Во славу Родины», ветераном которой я был, приказала долго жить². Мы выходим временно на двух маленьких полосках, под чужим знаменем³. Находимся на второстепенном направлении и благодаря своему временно-кочевому образу жизни совершенно оторваны от войск и событий.

Это положение «внештатного» мне не по душе. В такие дни хотелось бы более активно работать. И работать в том духе, как я люблю — в большой публицистической манере. Здесь же из-за полной оторванности от всего и всех — я и представления не имею о том, где что происходит.

2. Говорят, мы сольемся с редакцией Березина⁴. Говорят, что, может быть, мы сами останемся существовать и т. д. и т. д. Разговоров много, настроение неопределенное.

Но я уже решил для себя давно, что во фронтовой газете больше работать не буду. Рамки маленькой газеты уже давно стесняют меня. 14 месяцев дали колоссально много материала. Его надо реализовать в больших и широких выступлениях, а я тут связан размером газеты, рамками ее, задачами. Я занимаю штатное место писателя, а пишу редко и только очень большие вещи. «Очень большие» для нашей газеты. Из-за этого веч-

ные трения. И, однако, это не такие вещи, как пишут Симонов, Гроссман⁵ и др. И мне тоже хотелось бы ахнуть что-нибудь большое! Но я понимаю, что сейчас еще не пришло для этого время.

Поэтому скромные мои намерения ограничиваются и исчерпываются только большими публицистическими статьями и рассказами. Хотелось бы, чтоб это попало в центральную печать⁶, но с ней у меня сейчас почти нет связи. Случайно — прорываюсь.

3. Взаимоотношения мои с начальником ПУ⁷ еще хуже, чем были при Мамонове. Тот, по крайней мере, хоть не резал моих вещей. А Гришаев... Чего вам еще. Мое письмо «Пядь родной земли», опубликованное в «Правде»⁸, было запрещено тов. Гришаевым, и только после вмешательства Военного Совета напечатано у нас, но в войска не попало.

Тов. Кононенко, возможно, рассказал вам о той опеке, которая учреждена здесь надо мной. Дело неслыханное, — но каждая моя вещь предварительно просматривается десятью инстанциями. Я просил тов. Кононенко довести об этом до вашего сведения. Мои рассказы здесь бракуются, сокращаются, запрещаются и т. д. А «Правда» их печатает с удовольствием⁹. Да только трудно переслать в «Правду» материал. Мы от центра почти оторваны.

Больше я не могу работать под мелочной и пристрастной опекой. Я изнемог. Я хочу работать с полной силой. Я хочу, чтоб в эти грозные для Родины дни мой голос звучал бы свободно и широко. Я хочу знать, что надо писать сейчас, — меня не информируют. Я хочу, чтоб мои статьи попадали к бойцам, — они не попадают. Я не хочу больше болтаться в обозе второго эшелона, вне штатов, на неопределенном положении.

4. Вы и редакционные работники аппарата ПУРа предлагали мне в мае с. г. переходить к вам на работу. Говорили при этом, что пора уж Горбатову вылезать из скорлупы фронтовой газетки и писать для всей Армии, как это делают все писатели моего порядка.

Я отказался тогда. Я считал себя морально обязанным вернуться в свой коллектив, на свой фронт, в свою газету. Это было долгом чести.

Но теперь нет нашего фронта. Нет нашей газеты. Сегодня-завтра расколют и наш коллектив. Я сейчас ничем не связан.

Поэтому я и прошу вас помочь мне. Я хотел бы в эти грозные дни работать с полной силой там, где вы мне укажете.

Меня усиленно зовут в «Правду»¹⁰. Я согласен остаться их корреспондентом здесь, на Кавказе. Согласен также и на Сталинградский фронт. Там, говорят, всего интереснее будет. Я могу уйти и к вам, чтоб писать сейчас на животрепещущие темы, чтоб всю ярость моего сердца поставить на службу Родине.

Я не хочу только больше болтаться во фронтовой газете, где меня душат рамки, где (как это ни странно) я всегда с обозом, где мелочная опека душит творчество, где провинциализм убивает все живое.

Если вам кажется ценной моя работа, если я представляю для вас какой-либо интерес как писатель, — прошу дать немедленные указания нашему Политическому Управлению о том, чтобы меня направили в ваше распоряжение для назначения туда, куда вы меня пошлете. Я на самолете быстро переброшусь в назначенное вами место и с новой силой начну работать и писать.

С коммунистическим приветом Бор. Горбатов

Архив МО СССР, оп. 11314, д. 7, л. 506 и об.

¹ Александр Яковлевич Боев, ныне полковник, в годы войны был начальником отдела печати ГлавПУРККА.

² С начала войны Горбатов работал в газете Южного фронта (первого формирова-

ния) «Во славу Родины», выходявшей до конца июля 1942 г., когда в результате неблагоприятно сложившейся военной обстановки и прорыва войск противника к Волге Южный фронт перестал существовать.

³ Коллектив сотрудников «Во славу Родины» во главе с редактором Д. А. Чекулаевым в августе 1942 г. оказался в г. Сочи, входившем в район действий Северо-Кавказского фронта (первого формирования). Редакция газеты этого фронта «Вперед к победе» (редактор Д. М. Березин) в те же тяжелые дни была направлена из Краснодара в Ставрополь и далее в Тбилиси. Местопребывание ее в течение некоторого времени оставалось не известным, а газета не выходила. В связи с этим в Сочи силами бывших сотрудников «Во славу Родины» был налажен выпуск газеты под названием «Вперед к победе».

⁴ Это слияние не состоялось. Редакция Д. М. Березина после прибытия кружным путем в Сочи возобновила выпуск «Вперед к победе» как газеты Черноморской группы Закавказского фронта. С января 1943 г. она стала газетой Северо-Кавказского фронта — второго формирования — «Вперед за Родину». Редакция же «Во славу Родины» перестала существовать, а ее сотрудники получили различные новые назначения.

⁵ В июле-августе 1942 г. в «Красной звезде» печаталась повесть В. Гроссмана «Народ бессмертен» — первое крупное художественное произведение в советской литературе военных лет. В июле того же года К. Симонов опубликовал в «Правде» пьесу «Русские люди».

⁶ В первых числах октября 1942 г. в «Правде» появилась повесть Горбатова «А лексей Куликов — боец». В декабре 1942 г. там же напечатан его очерк «Годы и люди».

⁷ Начальник Политуправления Южного фронта бригадный комиссар Гришаев.

⁸ Очерк «Пядь родной земли» (из цикла «Письма товарищу») появился в «Правде», 1942, № 213, 1 августа.

⁹ Незадолго до этого в «Правде» были напечатаны рассказы Горбатова: «После смерти» (20 августа) и «Дезертир» (4 сентября).

¹⁰ В 1943 г. Горбатов стал корреспондентом «Правды».